

СОЦИАЛЬНАЯ ОПЕКА СОЛДАТСКИХ СЕМЕЙ В ЭПОХУ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

© 2015 А. И. Чубаров

аспирант кафедры истории России
e-mail: chubar1991@mail.ru

Курский государственный университет

В данной статье впервые раскрыта многогранная деятельность в Курской губернии местного отделения Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, направленная на призрение ближайших родственников мобилизованных нижних чинов.

Ключевые слова: Первая мировая война, Курская губерния, законодательство, земство, призрение солдатских семей, ученические трудовые дружины.

Переход к всеобщей воинской повинности поставил перед государством новые проблемы, связанные с обеспечением семейств мобилизованных. Российской империей были приняты 25 июня 1877 г. Временные правила, возложившие призрение жен и детей солдатских семей на органы местного самоуправления (городские и земские или же органы, их заменяющие). Если же они были не способны оказать помощь, то государство выдавало ссуду. Семья могла рассчитывать на 1,28 пуда ржи, 10 фунтов крупы, 4 фунта соли на человека в месяц, что равнялось месячному довольствию солдата по воинскому уставу. Заботу о родителях солдата, его братьях и сестрах и других родственниках должны были взять на себя городские и сельские общества, к которым они принадлежали. Главным критерием оказания помощи было «отсутствие достаточных средств для существования», однако четко уровень благосостояния семьи не прописывался. Полицейские приставы и волостные старосты должны были проверять каждое заявление о помощи, выявляя действительную нужду просителей. Данная система практически без изменений просуществовала более четверти века, ее уязвимость была обнаружена еще во время Русско-турецкой войны. Русско-японская война с ее частичной мобилизацией мужчин из запаса окончательно доказала несостоятельность существующей системы государственной поддержки. Проанализированный опыт (две крупные войны и несколько локальных конфликтов) оказания социальной помощи солдатским семьям позволил выработать особый закон «О призрении нижних воинских чинов и их семейств», принятый 25 июня 1912 г.

С началом Первой мировой войны в Москве под председательством Александры Федоровны был образован Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. В него вошли представители разных министерств и ведомств, а также благотворительные комитеты, провозгласившие своей главной задачей облегчение участи семей призванных. Один из них – Комитет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов – возглавила сестра императрицы Елизавета Федоровна. Его задача – «объединение правительственной, общественной и частной деятельности, направленной на опеку семейств мобилизованных» [Законы и правительственные распоряжения... 1915: 161].

Елизаветинский комитет в своей работе руководствовался законом от 25 июня 1912 г., согласно которому главным видом попечения являлся так называемый продовольственный паек, выдаваемый деньгами из следующего расчета: не менее 1 пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 4 фунтов соли и 1 фунта постного масла в месяц. Дети в возрасте до 5 лет получали половину нормы взрослого.

Рост цен на продукты первой необходимости сказывался прежде всего на беднейших слоях населения [Гавриков 2011: 1]. Именно поэтому выдача денежных средств производилась из расчета средней стоимости вышеназванных продуктов, которая определялась для каждой местности (вплоть до уезда) отдельно, с возможностью корректировки денежного довольствия при каждом значительном изменении цен как при повышении, так и при понижении. Например, в Рыльском уезде выплаты одному призываемому лицу увеличились с 2,49 руб. в сентябре 1914 г. до 3 руб. 24 коп. к концу 1915 г.

Воспользоваться правом на получение пособия от государства могли семейства нижних чинов и ратников ополчения: «мобилизованные на действительную службу, задержанные из-за военных действий долее срока службы мирного времени, зачисленные охотниками (добровольцами), ополченцы и поступившие в военные дружины».

Обеспечению в обязательном порядке подлежали жены и дети военнослужащего, а также его отец и мать, бабушка и дедушка, братья и сестры. Последние – при условии, что они прежде находились на иждивении мобилизованного. Это было возможно лишь тогда, когда в семье больше не имелось работников, способных ее содержать. Рассчитывать на помощь от государства также могли теща и тесть, но только в том случае, если призванный являлся примакром при их собственной нетрудоспособности. По закону, «трудоспособными считались не достигшие 55-летнего возраста отец и тесть, сыновья и братья с 17 лет. Последние после достижения вышеуказанного возраста пользовались правом получать пособие в случае их неспособности к труду, подтвержденной медицинским освидетельствованием».

Не имели права на получение помощи «жены и дети гражданского брака, вышеназванные родственники при условии, что они не содержались за счет призванного по мобилизации или в семье остались способные к труду мужчины. Дочери при выходе замуж до 17 лет также лишались пособия, равно как и матери, повторно вышедшие в замужество и потерявшие связь с семьей отца солдата».

Выдача пайка производилась до возвращения призванного с войны домой. «Если мобилизованный был убит или умер на войне, то выдача денежных средств семье продолжалась до тех пор, пока вдове и сиротам не будет назначена пенсия от казны» [Свод законов Российской Империи 1912: 173–175]. Однако если мобилизованный сдавался в плен, то любые выплаты его родственникам прекращались. Для того чтобы не допустить этого, «специально среди воинов и в тылу распространялись листовки: “Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью”» [Щербинин 2004: 276].

При образовании местных комиссий в губернии возникли сложности. Земский начальник Новооскольского уезда просил губернатора совместно с преосвященным Курским выработать принципы совместной работы церковных комитетов и волостных попечительств (либо разрешить причтам не открывать их вовсе, либо же слить уже созданные с комитетами в волости). По словам вышеупомянутого чиновника, создание церковных комитетов заставляло священников отказываться от работы в организациях, созданных в волости, что лишало последние ценнейших работников, исполняющих зачастую обязанности председателей. Конфликт был улажен Синодом, решившим, что «приход с церковной точки зрения для данного дела предоставляет наиболее

подходящее место сосредоточения общественных сил, т.к. он крепко объединяет отдельные селения и в то же время он в территориальном отношении обычно меньше и поэтому удобнее существующей гражданской единицы – волости»¹. Этим постановлением рекомендовалось для наибольшего обеспечения потребностей нуждающихся семейств согласовывать действия приходских и волостных попечительств.

Согласно архивным данным, Тимская комиссия так и не была образована. А Суджанская и Щигровская не функционировали (т.е. не занимались привлечением дополнительных ассигнований). Последних обязывали изыскать средства на призрение путем сбора пожертвований².

Однако первоначально властям из-за срочной мобилизации не удалось точно определить круг лиц, нуждающихся в помощи, поэтому члены семей, на которых распространялось действие закона, могли сами «обращаться с заявлениями в городах в городские управы, а в сельских местностях – к земским начальникам»³. Городскому же самоуправлению поручалось ежемесячно «за 3 недели до ближайшего месячного срока выплаты пособий сообщать об изменении состава солдатских семейств»⁴, вне городов – раз в три месяца.

Отдельно оговаривались выплаты семействам призванных на действительную службу вольнонаемных служащих центральных и местных органов власти: семейству из супруги и более 5 детей выплачивался полный оклад, из жены и 4–5 детей – $\frac{3}{4}$, из супруги и не более 3 детей – $\frac{2}{3}$, из одной жены – $\frac{1}{2}$ оклада, из отца, матери, деда, бабушки, братьев и сестер или некоторых из вышеупомянутых членов – $\frac{1}{2}$. Служащим, не имеющим семейств, единовременно выдавался двухмесячный оклад [Зуйков 1914: 6–7].

Семьи вольнонаемных мастеровых, рабочих, низших служащих казенных заводов, фабрик и т.д., помимо продовольственного пособия от казны, могли рассчитывать на выплаты: 1) семейству из жены и более 3-х детей $\frac{1}{2}$ заработка мужа, 2) из супруги и не более 3-х детей – $\frac{1}{3}$, 3) семьи из одной жены – $\frac{1}{4}$ оклада.

При определении размера выплат во внимание также принимались отец, мать, бабушка и бабушка, а также не достигшие 12-летнего возраста братья и сестры рабочего, содержавшиеся его трудом. Их принимали «в счет детей, как одного ребенка» [Законы и правительственные распоряжения... 1915: 205].

Курское земство, помимо сохранения рабочих мест за призванными, решило выплачивать их семьям $\frac{1}{2}$ их оклада. Однако некоторые уездные земства губернии недопоняли данное постановление. Как выяснилось, 50% заработной платы земских служащих их семействам выплачивали из губернских сумм и 50% компенсировали уездные земства, неправильно трактуя постановление Экстренного губернского земского собрания от 24 июля 1914 г., то есть родственники земских служащих в большинстве уездов получали 100% зарплаты мобилизованного. Такого не было лишь в Курском уезде. Экстренным губернским земским собранием, состоявшимся 1 сентября 1915 г., было решено прекратить выплачивать половину заработной платы из сумм уездных земств. Помимо этого, было поддержано предложение Тимского земского собрания о прекращении 50% выплат из губернских сумм лицам, занимающим хорошо оплачиваемые должности в армии [Журнал заседания... 1915: 27]. Выплаты планировали прекратить с 1 января 1916 г. Эти постановления земства губернии вызвали неоднозначный отклик в уездах. Решения уездных собраний распределились следующим образом: Тимское – прекратить выдачу пособия семьям служащих;

¹ Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 302. Оп. 1. Д. 640. Л. 20–20 об.

² Центральный исторический архив Москвы (далее: ЦИАМ). Ф. 113. Оп. 1. Д. 76. Л. 150.

³ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10708. Л. 2.

⁴ Там же. Ф. 302. Оп. 1. Д. 640. Л. 34а.

Льговское – офицерам выплату прекратить, служащим оставить; Корочанское – выдавать офицерам половину зарплаты, а семьям лиц, призванных на войну, – $\frac{3}{4}$; Щигровское и Обоянское – просили оставить выплату, так как в противном случае семьи земских служащих оказались бы в безвыходном положении; Курское, Суджанское, Фатежское просили о продлении срока выплат семьям офицеров. В дополнение к этому фатежане решили продолжать компенсировать семействам призванных половину оклада из уездных сумм и ассигновали для этого 10 тыс. руб. Белгородцы решили производить выдачу пособий, предоставив управе право рассматривать нужду и имущественное положение семей офицеров перед назначением выплат [Журнал заседания... 1916: 1538].

Курское отделение Елизаветинского комитета с самого начала своей работы сообщало, что «приходские, городские и волостные попечительства, частные лица, учреждения мелкого кредита и крестьянские общества приняли на себя заботы по обеспечению семейств призванных. Главным образом они помогали нуждающимся деньгами, хлебом и вещами. Особым видом попечения стала помощь личным бесплатным трудом – повсеместная уборка полей и осеменение озимых полей. Согласно обнаруженным данным этот вид помощи имел положительный эффект: «не остался в поле и не погиб для семей призванных их хлеб; сделаны для них озимые посевы»⁵.

Из имеющейся документации установлено, что в Курское отделение Комитета с августа 1914 по май 1915 г. поступило в общей сложности 57 626,93 руб. как государственных субсидий, так и частных пожертвований. Потрачено же было 41 171 руб. Помимо непосредственного оказания помощи семьям запасных и ратников ополчения (выплата пособий, содержание и отопление квартир), деньги выдавались в том числе и на содержание приютов и яслей, оказание агрономической помощи (выдача семян, организация ученических дружин) и на нужды больных и раненых воинов⁶.

Однако не обошлось без подлогов: в столичных газетах (со ссылкой на местную газету) была опубликована заметка о том, что в Курской губернии дело помощи семьям запасных поставлено не так, как следует, и приводился в подтверждение официально установленный случай голодной смерти старика-крестьянина и его жены, которые были найдены закоченевшими в своей избе. Проверка этого сообщения выявила, что не имевшие детей «85-летний старик Иван Ефремов и его жена Степанида, занимавшиеся нищенством, умерли от старости и плохого питания, а возможно, что и от угара»⁷. Газете «Курская быль» под заголовком «Голодное рождество» напечатала обращение некой Прасковьи Власовой: «По мобилизации взят сын мой Петр, ополченец. Пособие до сих пор не выдано. Ни земли, ничего не имеем, кроме избы. Отец Петра больной, зимой ничем не занимается по болезни, прошу напечатать – может, это ускорит выдачу... Моя дочь Надежда, 1 год, на днях умерла от голода. Ей надо было покупать молоко, не за что было... сжальтесь...». Расследование этого обращения показало, что девочка умерла от воспаления легких. Семье Суджанской управой еще до публикации вышеприведенного обращения было назначено пособие, начисляемое с января 1915 г.⁸

Другой вошедший в Верховный совет Алексеевский главный комитет был создан 16 июня 1905 г. указом Николая II и назван в честь родившегося наследника российского престола. Комитету первоначально поручалось назначать денежные

⁵ ЦИАМ. Ф. 113. Оп. 1. Д. 76. Л. 3–3об.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 655. Оп. 1. Д. 72. Л. 164–165, 176–177.

⁷ Там же. Д. 66. Л. 15.

⁸ ЦИАМ. Ф. 113. Оп. 1. Д. 76. Л. 37, 45.

пособия сиротам военных и гражданских (медицинских, ветеринарных, фармацевтических) чинов, священников и церковнослужителей. Получать финансовую помощь могли также семьи дружинников, добровольцев, служащих по вольному найму или частному договору на военных кораблях, а также судоводителей, механиков и низших служащих на действующих для надобностей войны русских торговых судах, «равно как и всех вообще лиц как погибших, так и пропавших без вести на войне»⁹. Их дети принимались под покровительство Комитета временно, впредь до окончательного выяснения участи, постигшей их отцов. С началом Первой мировой войны Комитет взял на себя заботу о сиротах офицеров и солдат, служащих «в военном, военноморском ведомствах и по воздухоплавательной части» [Матвеева 2004: 21]. Отметим, что во время войны 1914–1917 гг. денежные выплаты производилась либо со времени смерти отца, либо со времени прекращения выдачи казенного пайка¹⁰. По сути дела, денежные выплаты от Алексеевского комитета являлись пенсией детям от казны. Это подтверждается словами товарища министра финансов А.Н. Кузьминского, заявившего в феврале 1916 г. в Государственной думе: «Пособие, которое выдается из Алексеевского комитета, вовсе не благотворительное пособие, это пособие совершенно равносильно пенсии из Государственного казначейства» [Там же]. Она выдавалась детям до 16 лет: по 24 руб. в год проживающим в селениях, по 30 руб. – в городах и по 42 руб. – в городах с населением свыше 150 тыс. жителей. Круглым сиротам, живущим в сельской местности, полагалось до 33,6 руб., живущим в городских поселениях – до 58,8 руб.¹¹

Согласно обнаруженным документам, до 1 апреля 1916 г. под покровительство Комитета было принято 224 ребенка нижних чинов Курской губернии, состоявших во время объявления мобилизации на действительной службе и погибших в течение войны в 1914 г. Для выплат им из казначейства была переведена сумма в 6 664,25 руб.¹² Однако при выдаче денег населению не обошлось без казусов. Некая Мария Лукашева, получив деньги, заявила волостному старшине, что ее муж в плену и она получает от него письма. В связи с этим Новооскольская управа спрашивала, разрешена ли в таком случае выдача пособия. Подобные прошения поступали из земских управ и других уездов Курской губернии. Однако пособие не полагалось детям нижних чинов, находящихся в плену, и деньги в таких случаях полагалось вернуть в Алексеевский комитет. Львовская уездная земская управа сообщала, что некоторые солдатки, несмотря на неоднократные вызовы их через волостных старшин, за получением пособия в управу не приходят. Причины их неявки не установлены. Фатежское же земство не смогло разыскать в пределах Поньоровской волости некую Лукерью Бородкину, которой полагалось 26 руб.¹³ Других данных о работе Комитета на территории Курской губернии во время Первой мировой войны пока обнаружить не удалось.

Однако не все сироты получали пособие от Алексеевского комитета, поскольку местные органы самоуправления из излишков денежных средств выплачивали пособие детям погибших солдат. Так, обоянцы выдавали пособие на воспитание детей-сирот, находившихся на попечении родственников. В Новом Осколе «сиротам и полусиротам

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (Далее: РГВИА). Ф. 16325. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–2 об.

¹⁰ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2216. Л. 1.

¹¹ ЦИАМ. Ф. 113. Оп. 2. Д. 111. Л. 24.

¹² ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2216. Л. 2, 6.

¹³ Там же. Л. 56, 71, 72, 86, 118, 138.

воинов в течение настоящей войны выдали добавочные средства к казенному пайку: в возрасте до 5 лет – 2 руб., а свыше 5 лет – по рублю в месяц»¹⁴.

Указом от 10 января 1915 г. к компетенции Верховного совета были отнесены мероприятия по «приисканию» занятий и работ, а также по оказанию других видов призрения как военным, так и гражданским чинам, утратившим трудоспособность вследствие ран, увечий или болезней, вызванных «условиями военного времени». Все вышеуказанные вопросы поручались специально созданной Особой комиссии великой княгини Ксении Александровны (до августа 1915 г. ее деятельность носила организационный характер). Однако осуществление этих задач на местах были возложены на местные отделения Комитета Елизаветы Федоровны¹⁵.

Помимо назначения пенсий и пособий открывались приюты. В Курске и Новом Осколе в 1916 г. были открыты убежища для увечных воинов с мастерскими, обучающими их сапожному и портняжному ремеслам. В губернском центре содержалось первоначально 14 калек, в 1917 г. – 20 человек, в вышеупомянутом уездном городе – 10 инвалидов¹⁶. Мало того, 52 очередное губернское земское собрание, рассмотрев в заседании 20 января 1917 г. ходатайства Новооскольского и Рыльского уездных земств об устройстве курсов по сельскому хозяйству, решило профинансировать их организацию (20 в Новооскольском уезде и 30 – в Рыльском). Деньги также выделили Департамент земледелия и Особая комиссия¹⁷.

Одним из основных неденежных видов поддержки семей призванных на войну в аграрной Курской губернии в 1914 г. стала безвозмездная помощь в сборе урожая текущего года и посев озимых полей крестьян. Причем потребность в такого рода услугах постепенно возрастала в связи с увеличением общего числа мобилизованных. Вышеуказанным семьям, а также семьям убитых и увечных воинов со стороны земства на протяжении 1915–1916 гг. оказывалась помощь в обсеменении, обработке и уборке хлебов, причем для этих целей иногда использовали ученические дружины. Дружинниками могли стать юноши не моложе 15 лет. Их привлекали не только на сельскохозяйственные, но и на лесные (распилка дров, обрубка сучьев, колка, перевозка и т.д.) работы. Подростков размещали, как правило, в школах. Курская исполнительная комиссия, занимавшаяся вопросами призрения, предлагала организовать женские трудовые дружины, привлекая их для работ в яслях, легких полевых работах, шитья белья и т.д. Однако, если ученические дружины мужских учебных заведений содержались за счет средств, выделяемых Исполнительной комиссией, женским предлагали организоваться самостоятельно, из-за недостатка средств¹⁸. Мало того, в деревнях обычной стала картина, когда священник, собрав школьников церковной школы, шел с ними на огороды семей призванных на войну, где детишки рыли картофель, помогали на гумне, рубили дрова. Эти же школьники в зимнее время под влиянием законоучителей приносили кули соломы для топлива в хаты ушедших на войну, делились завтраками с детьми воинов, весной стерегли скот и свозили навоз с их дворов. А в женских церковно-приходских школах под руководством матушек и учительниц ученицы, взрослые женщины и девочки, шили белье для солдат, изготовляли теплые фуфайки, вязали чулки и перчатки.

Специально для дружинников был разработан специальный знак, в виде медали, носившейся на левой стороне груди. На внешней стороне, на зеленом эмалевом фоне, в середине помещался вензель Елизаветы Федоровны. Средняя его часть была окружена

¹⁴ Там же. Ф. 171. Оп. 1. Д. 86. Л. 132, 135.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 655. Оп. 1. Д. 71. Л. 1,5.

¹⁶ ЦИАМ. Ф. 113. Оп. 1. Д. 76. Л. 380, 444.

¹⁷ РГВИА. Ф. 16323. Оп. 1. Д. 237. Л. 7, 11 об. – 13.

¹⁸ Курская военная газета. 1917. №31. 22 апреля. С. 3.

эмалевым белым ободком с надписью золотом «За участие в ученических дружинах». Обратная сторона имела надпись: «От комитета ея Императорского Высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию помощи семьям воинов». Знак выдавался бесплатно. Право на его ношение предоставлялось по распоряжению местного губернского отделения¹⁹.

После свержения монархии Елизаветинскую организацию 9 марта 1917 г. переименовали в Московский комитет по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. Работа отделений на местах была нарушена, в связи с чем курский губернский комиссар Н.Н. Лоскутов 29 мая 1917 г. просил уездных комиссаров фактически заново организовать работу комитетских подразделений²⁰. Данные о их функционировании на местах за весну–лето 1917 г. практически отсутствуют. Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов был признан Временным правительством «несоответствующим существующему государственному строю»²¹ и упразднен, а его права и обязанности были возложены на Министерство государственного призрения, под контроль которого постепенно перешли и вышеупомянутые комитеты.

Таким образом, Первая мировая война поставила перед государством и обществом новые, ранее практически неизвестные им социальные проблемы. Можно выделить три наиболее острые из них: призрение семей воинов, опека детей погибших солдат и забота о инвалидах войны.

Стоит отметить, что законом «О призрении...» признавались лишь отношения, оформленные церковью, то есть гражданские жены и их дети не могли рассчитывать на государственную помощь. В Курской губернии лишь Рыльское уездное земство нашло необходимые финансы для поддержки данной категории²².

Местные органы самоуправления в большинстве случаев были не способны открывать и содержать за свой счет крайне необходимые приюты для сирот и школы для солдат-инвалидов. Возможности же государства из-за ведения войны были существенно ограничены. Верховный совет в большинстве случаев отказывал отделениям в дополнительных ассигнованиях, выделяя средства лишь на выплаты продовольственных пайков.

Библиографический список

Гавриков Ф.А. Экономические проблемы городов Черноземья в условиях Первой мировой войны (на примере Курской губернии) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. Курск, 2011. № 3(19). Ч. 2. URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/021-022.pdf> (дата обращения: 21.09.2015).

Журнал заседания I очередного курского губернского земского собрания 1915–1916 гг. Курск: Тип. губ. земства, 1916. 1601, X, 205 с.

Журнал заседания экстренного курского губернского земского собрания за 1 сентября 1915 г. Курск: Тип. губ. земства, 1915. XIX, 82 с.

Законы и правительственные распоряжения по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Пг.: Гос. тип., 1915. XVI, 285 с.

Зуйков В.Г. Законы и распоряжения по обстоятельствам военного времени. Киев: Тип. т-ва И.Н. Кушнеров и К°, 1914. 40 с.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 655. Оп. 1. Д. 68. Л. 38 об.

²⁰ ГАКО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 86. Л. 210.

²¹ ГАРФ. Ф. 6786. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.

²² ГАКО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 640. Л. 347.

Матвеева Н.Л. Благотворительная деятельность именных комитетов членов императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Изд-во МГОУ, 2004. 106 с.

Свод законов Российской Империи. СПб.: Рус. кн. т-во «Деятель», 1912. Кн. 5. Т. XIII. I–XIII, I–IX, 353 с.

Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов: Юлис, 2004. 508 с.